

Юрий Грум-Гржимайло
Ствол ручья

Стихи разных лет

Юрий Грум-Гржимайло

Ствол ручья. Стихи разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23465987

ISBN 9785448393587

Аннотация

Мне хочется писать стихи, как акварель, Проникновенно, медленно, лирично, Чтоб даже в зимних строчках был апрель, И сердце понимало, что – первично. Юрий Грум-Гржимайло

Содержание

Разнолетье	7
Пишите легкие стихи...	7
Полуночный трамвай	8
Я в глазах твоих...	9
Твое лицо покоится во сне...	11
Стихи на перроне	12
На паперти света...	14
Отзовись!	16
Я помню дорогу...	17
Зайди ко мне, мой милый друг...	18
22 сентября	19
Лирическое	21
Обыденное	22
В тебе осталась Севера печать...	23
Сказка на окраине	24
Ты как волна...	25
Матери	26
Ты мне улыбаешься с экрана	27
Колыбельная	28
Наступлю...	29
Песнь варвара, осевшего в Риме	31
Есениана	33
Постарайся...	35

Дождусь ли...	36
Среднерусье	37
Апрельское	37
Природа средней полосы...	39
Март	40
Моя Москва	41
Старая усадьба	41
Тверской бульвар	43
Коломенское	44
Вечернее метро	46
Скрипач	47
Церковь Большого Вознесения у Никитских ворот	48
Я опять по усадьбам московским брожу...	49
Утро	51
В переулках старых за Арбатом...	52
Измайлово	54
В Патриаршьих прудах отражается вечер...	55
Московия	57
Ливень	58
Дождь в Сокольниках	60
Хлебный переулок	61
Ласковые сны	63
Парадная россыпь огней и реклам...	64
Памяти 22 июня	65
В электричке	66

Осколки	68
Ты приснилась во сне...	68
Говори...	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ствол ручья

Стихи разных лет

Юрий Грум-Гржимайло

© Юрий Грум-Гржимайло, 2017

ISBN 978-5-4483-9358-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разнолетье

Пишите легкие стихи...

Пишите легкие стихи,
Пока легка рука,
Пусть в них кивают васильки
От ласки ветерка!

Не стоит строки смаковать,
Искать огрехи в них —
Упали легкие слова,
И – появился стих,

Пошел по узенькой тропе
Из горницы своей,
Чтоб оценил его скупец,
И встретил мир людей...

Полуночный трамвай

Майку Зиновкину

Полуночный трамвай сыграет блюз
Для крылышек раскрытого окна,
И сонною волною тишина
Опять прижмется к дому-кораблю.

Осталось слушать шорохи стены,
Задумчивые скрипы половиц,
Обрывки ненаписанных страниц
И мерное дыхание жены...

А блюз плывет по памяти дымком,
В серванте тихо звякнет в такт фужер...
Пусть сонная недвижимость портьер
Меня считает странным чудачком,

А я хочу махнуть через окно,
Догнать трамвай и впрыгнуть на ходу,
И привезти счастливую звезду,
Как этот самый блюз,
Давным давно...

Я в глазах твоих...

Я в глазах твоих
Вижу нежный свет,
Напишу им стих
О своей Москве,
Закружи меня,
Заколдуй меня
И добавь огня
Им при свете дня!

По губам твоим
Бродит страсти ток,
Ты – из снежных зим
Теплый лепесток,
Вытащить билет
И согреть тебя
Мне в моей Москве
Выпала судьба.

Не раздеть и смять —
Сохранить любовь,
Чтобы к ней опять
Возвратиться вновь,
И как в первый раз
Падать в глубину,
В полночь до утра

Уходя ко сну.

Твое лицо покоится во сне...

Твое лицо покоится во сне,
Но из глубин, простертых между нами,
Ты все равно повернута ко мне
Губами
И закрытыми глазами.

Пускай не спится,
Пусть скользит мой взгляд
По смуглой коже,
По изгибам линий —
Прекрасен твой естественный наряд
Уснувшей мирно
Маленькой Богини

Стихи на перроне

*Ирине****

На скорый поезд твой
Объявлена посадка,
И между нами вновь
Проведена черта —
Не думай – провожать
Тебя совсем не сладко
И грустно созерцать
Плацкартные места.

В вагонах поездов
Натянуты прощанья,
Неловко целовать
Хорошую мою,
Зачем опять в любовь
Вмешались расстоянья,
Я чувствую вину
За то, что остаюсь!

Скажи мне обо всем —
Минуты на исходе,
А лучше – помолчи
И посмотри в глаза,
Мы все уже с тобой

Определили вроде
И скорым поездам
Нас изменить нельзя.

Но все-таки мне жаль,
Когда состав уходит,
И где-то твой вагон
Скрывается вдали —
Разлука как кинжал,
И дань высокой моде
Друг друга в ней найти,
Как рельсы колеи.

На паперти света...

На паперти света застыла Любовь,
одетая в рубища непониманья,
в лохмотья когда-то несказанных слов,
рассыпав как бисер слепые лобзанья.

Я вижу в глазах ее мрак и огонь,
не ведая, что хорошо, а что – плохо,
как нищенке, ей опускаю в ладонь
святое желанье и низкую похоть.

И снова иду в паутину дорог
за призраком, за Дульсинеей Тобосской,
дай Боже, чтоб я отыскать ее смог
и сердцу хватило печального воска!

Пусть где-нибудь, снова на свадьбе земной
со звоном хмельные поднимутся чаши —
я пью в одиночку за бывших со мной,
Не понятых мной и меня не понявших.

Простите меня, за возможную боль,
за то, что простое окажется сложным,
я просто увлекся сраженьем с судьбой,
и просто теряю порой осторожность.

Простите меня, отпустите легко,
на паперти света стоит моя мама,
а я ухожу от нее далеко
седой уже весь,
а все тот же —
упрямый...

Отзовись!

Ты меня не поймешь – я тебя не пойму,
Загорятся слова – задохнемся в дыму,

А достанется нам все равно – пополам,
По любви, по надеждам, словам и делам.

Проще – взять и разбиться, осколками в лет?
Отзовись, я тебя вызываю:
«Алле!»,

Отдирая заклеюку зимы от окна,
Пусть его открывает нам настезь весна,

Пусть по полу ползет застаревший угар,
Отзовись, нам с тобою не нужен пожар...

В телефоне гудок долгий-долгий дрожит.
Вот такая простая и сложная жизнь...

Я помню дорогу...

А***

Я помню дорогу и бег электрички,
и на полпути проплывающий Клин,
как к сердцу отмычка,
слепая привычка
из всех поездов видеть только один.

Я все сохраняю в глубинах сознания,
и горечь потери, и тленье огня —
за исповедь сердца, вокзальные зданья,
приблизьтесь ко мне и простите меня!

А если я сам недождался, уехал,
вскочил на подножку на поезд другой —
то память о вас мне совсем не помеха,
она мне поможет сквитаться с судьбой.

Летит электричка. К тебе ль? От незнания,
что, может быть, вовсе бегу от себя,
я просто связной ваш, вокзальные зданья,
все еду и еду,
дорогу любя.

Зайди ко мне, мой милый друг...

*Марине****

Зайди ко мне, мой милый друг,
Со мною выпить чашку чаю,
В твоих глазах, в пожатье рук
Я перемен не замечаю.
Пусть нас с тобою разнесла
Судьба по странам и границам,
Улыбка прежнего тепла
Опять горит на наших лицах.
Мы просидим до темноты,
И в ней, полуночным Арбатом,
Я провожу тебя, и ты
Забудешь время, как когда-то,
Но потому, что поздний час,
Опять расстаться надо, чтобы
Мог по домам доставить нас
Последний рейсовый автобус...

22 сентября

Отпыхали сполохи заката,
и желтизной залили фонари
пародию вечернего Арбата
на маленький монмартровский Париж.
В подлунном мире барды тянут песни,
и бесконечный ряд карикатур
не прикрывает обнаженность пресной
губастости рисованных натур.
И нам вослед печально глянет лошадь —
заложница коммерческих идей,
пойдем скорее,
вырвемся на площадь
от ресторанов,
лавочек,
людей,
давай – пешком до самой,
до заставы,
и над рекой, прижав тебя к себе,
стихи читаю вовсе не для славы,
а как собачьей верности обет.
И мне приятно чувствовать в забвеньи
как сердце бьется сердцу в унисон,
ты – город мой, а я – отображение,
и дай мне, Боже, быть таким как он.
Когда сказать мне слов земных не хватит,

морзянкой окон песню допою,
но причащу к вечерней благодати
внимательную спутницу свою.
Мы на мосту, как перед аналоем,
в торжественной высокой тишине,
и снова счастье чаплинским героем
смешно и грустно улыбнулось мне.

Лирическое

Увести бы тебя, затеряться с тобой
В перекрестках аллей в уголке незнакомом,
Чтобы крышей нам стал небосвод голубой,
А трухлявый пенек и приютом, и домом.
Ты поверь, я тебя не отдам городам,
И не дам испугать, если хрустнет валежник,
И за нами не тени ползут по следам,
А твоя золотистая робкая нежность.
Пусть в моих волосах будут хвоя и мох,
И лесные глаза разглядишь ты не сразу —
На меня колдовство наложило замок,
И лишь чары твои могут скинуть заразу.
Я к тебе прикоснусь тихим гулом чашоб,
Окрещу на заре на росистой поляне,
Где сияющий взгляд твой заметит еще
Силуэты лосей и лосенка в тумане.
Для тебя я стихи напишу на траве
И поэмы сложу на холстах листопада,
Чтобы твой бесконечно желанный ответ
Сделал мой полумрак светом райского сада...

Обыденное

Моя галактика проста,
«Работа – дом» – мои маршруты,
И размывает суета
Обычных радостей минуты.
Но в этой простоте живой
Я – жив,
И жив не только хлебом,
Раз пропущу автобус свой,
Задумчиво любясь небом...

В тебе осталась Севера печать...

*Ирине****

В тебе осталась Севера печать,
Простор снегов и дерзость расстояний.
В больших глазах мерещится опять
Полярная феерия сияний.
И пусть печаль окажется легка,
Когда тепло, завернутое в стужу,
Из белизны бумажного листка
Потоком строчек вырвется наружу.

Сказка на окраине

Сказка по окраине
Бродит наяву —
Я совсем не правильно
Без нее живу.
Сердце тайны-таинства
Не постигнет вновь,
Если не останется
На земле любовь.
Зарастут тропиночки,
Опадет листва...
У судьбы-судьбиночки
Старые слова...
Только на окраине
Сказка наяву
Ждет, когда неправильно
В сердце позову...

Ты как волна...

Ты как волна – и глубь, и пена —
Ударила о берег мой,
Разбилась в брызги и степенно
С меня опять стекла домой.
А мне оставила природа
Хранить соленость губ твоих,
И жажду нового прихода
Не вместит самый нежный стих...

Матери

Не говори мне, мама, не тревожься —
В моих кудрях не снег, а просто пыль.
Я верю, что захочешь – и проснешься
Опять таким же юным, как и был.
И мы с тобой пройдемся по Арбату,
Присядем на бульваре, и в былом
Припомним, как у Гоголя когда-то
Я каждый день здоровался со львом.
Пусть робкий дождь начнет над нами капать —
Под доброю улыбкою твоей
Рукою трону бронзовые лапы
Чуть ниже ставших ростом фонарей.

Ты мне улыбаешься с экрана

Ты мне улыбаешься с экрана,
Звякает коннектом Интернет...
Может, это мир самообмана
Властвует в вечерней тишине.
В письмах мы наставим многоточий
И всего не станем говорить.
Только ночь покажется короче,
Если засидеться до зари.
Напиши мне просто, без тумана,
И чему-то главному поверь,
Если улыбаешься с экрана,
Чтобы постучаться завтра в дверь.
Мы на память узелки завяжем,
Крутимся, как белки в колесе,
Непонятно, как случилась даже
Встреча на нейтральной полосе.
Где-то заблудившееся счастье
Облаком над нами пронесло —
Ты с экрана будешь улыбаться
Так же безмятежно и светло.
Крутятся сюжеты на планете,
Я тебя однажды позову —
Где-то ты живешь на белом свете,
Где-то существуешь наяву...

Колыбельная

Я тебе свое сердце положу под подушку,
Чтоб хорошую весть приносило оно,
За меня тебе тихо прошептало на ушко,
Что люблю тебя очень и очень давно.
Тебе братца вернут эти чащи лесные,
Что по разным углам собрались в темноте,
И водицы живой бросят росы цветные,
Сотворив наяву все, что было в мечте.
Это русское поле цветом спелой пшеницы
Одарило тебя на твоих волосах —
И пусть долго еще сон покоит ресницы
На твоих бесконечных и милых глазах.
Ты, пожалуйста, спи, пусть твой сон не тревожат,
Я, как воин, его в изголовье храню,
И рассветное солнце золотит твоё ложе,
Улыбаясь тебе и рожденному дню.

Наступлю...

Наступлю —
захрустит валежник,
встрепенется пугливая птаха,
белым парусом вздуется нежность
на дуге поворотного знака,

что-то вновь позовет в дорогу,
будет капать из глаз капелью...
Мы помолимся нашему Богу
пред апрельскою каруселью.

Наступлю —
и сломаю печати
оседающей корки сугроба,
нет вины в непорочном зачатъе,
нет вины —
и виновны оба,

мы виновны в своих
рас-
стояньях,
рас-
прекрасных
мечтах и надеждах,
одеваньях и раздеваньях,

мы виновны в своих одеждах.

Наступлю —

что-то тонко хрустнет,
остановит любовь помада...

Отчего мне сегодня грустно?

От того,

что грустить не надо?..

Песнь варвара, осевшего в Риме

Нас с детства учили держаться в седле,
Стрелять из звенящего лука —
Пускай мы не знали наук на земле,
Но это ведь тоже наука!
Мы метко метали в деревья ножи
И лазали в кронах, как белки,
Но в Риме спокойная сытая жизнь
Устроила нам переделку.
Мы стали степенным жирком обрастать,
Культурно пускаться в дебаты —
И грозную, сильную некогда рать
Шутя покорили кастраты!
И только во сне, слышишь, только во сне
Теперь ухожу я в пределы,
Где с посвистом ветра летит на коне
Мое одряхлевшее тело,
Где снова горят на привалах костры
И жарят на вертеле мясо,
И наши вселявшие страх топоры
по-прежнему рубят кирасы...
Прошу вас, поймите меня, старика,
Уважьте капризы природы:
Посмертно оденьте меня не в шелка,
А в потом пропахшие шкуры,
Сожгите меня на высоком костре,

Устройте кровавую тризну,
Чтоб вновь с содроганием Рим посмотрел
На дальнюю нашу отчизну!

Есениана

Мы бредем, запутавшись в туманах,
В облаках несбыточных идей —
Жизнь моя! Каким твоим обманом
Называют счастье для людей?

По утрам, когда в рассветной рани
Голосят в деревне петухи,
Чем-то давним память снова ранит
И сжимает сердце от тоски.

Может быть, далекий отзвук детства
Засветился в солнечном луче,
Или сказки доброе наследство
Притаилось в старом сундучке —

Я не знаю. И уже с опаской
Слишком часто думаю о том,
Что порою зря тянусь за лаской
Милым и доверчивым щенком,

Зря бросаю нежность листопадам,
Каждый день – последним днем живу —
Счастье в том, что ничего не надо,
В том, что мы имеем наяву!..

Может, одиноким пилигримом
Мне идти по замыслу Творца,
Только я и с гримом, и без грима
Датским принцем буду до конца!

Не поверю, что в руке синица
Лучше всех небесных журавлей,
И пора уже уgomониться
Не душе – романтике моей, —

И, презрев невзгоды и ненастья, —
Всем, кого любил я и люблю,
Я скажу:
«За обереги счастья
Жизнь свою и вас – благодарю!»

Постарайся...

Постарайся постичь, что такое Любовь,
Возвращаясь домой переулочком узким,
Находи среди хлама на дне коробов
Пожелтевшие письма,
Как нежности сгустки.

Постарайся...

А, может, не надо,

Зачем

Будоражить напрасно покоя остатки?..

Но желает Любовь

Счастья – даром и всем! —

Как к руке,

Прикасаясь к забытой перчатке.

Дождусь ли...

Дождусь ли я своих мгновений,
Иль в протяженности глотка
Узнаю, стоя на коленях,
Лишь цену сухости песка?

Среднерусье

Апрельское

Апрель стреножен холодами,
Не распахнуться поутру,
Но за джинсовыми задами
Весна на свой вернулась круг!

Еще чуть-чуть, совсем немножко
Тепло отнимет сапоги,
На стройных ножках босоножки
Пойдут выцокивать шаги!

Весенний подиум столицы,
Тысячелище – узнаЮ,
Когда домой вернуться птицы,
А мы – потянемся на юг.

Апрель – весенняя закваска,
Презренный авитаминоз,
Снегов сползающая маска
В апофеозе первых гроз,

Апрель – ты трель и прель земная,

Так начинай весенний хор,
Пусть снова молодость снимает
С макушки головной убор!...

Природа средней полосы...

Природа средней полосы
Совсем не то, что дерзость юга, —
В ней непокорных сил посыл
И настороженность испуга,

В ней оторопь косых дождей,
Прощальный птичий крик под небом,
Глаза чащобных ворожей,
До весен спящие под снегом.

Когда горячий южный конь
Сюда влетал во время оно,
Самой природы Рубикон
Вздымался перед ним заслоном,

Лесных тропинок кружева
Сплетали гибельные сети,
По пояс вставшая трава
Вас хоронила, юга дети...

Природа средней полосы —
В ней не отыскивай изъяна,
Дай Бог и нам ее красы
Увидеть взглядом Левитана...

Март

Асфальт, расчерченный на «классы»,
И – непривычные – вдали
В снегу чернеющие кляксы
Полуоттаявшей земли.
Звенящей прихотью капли
Опять пятнается пальто,
Настырно солнце лезет в щели,
И воздух – за глотком глоток.
Пусть с каждым днем полнеют полдни,
Небесный шире окоем,
Весне – пора!
по зимней сходне
Уходят заморозки днем.
Под прошлогодним стеблем ломким
Зеленый кроется налет
И наледи хрустящей кромки
Хрустят, когда весна идет.
Влезает томная облезлость
На крашенные спины крыш,
И пробуют коты железо
Весенней мартовской поры.

Моя Москва

Старая усадьба

Наполненные солнцем дни
Тепла расплескивают щедрость
И желтизной лимонной цедры
Потоки света льются вниз.

Покой запущенных аллей,
Горячий и шершавый мрамор,
Шатер побеленного храма
И тишина госпиталей.

Фамилий громких долгий ряд
О днях минувших много скажет —
Вот-вот подъедут экипажи
И в залах свечи загорят,

Где ордена и эполеты
Любили дамские шелка
И пели славы на века...
Но все ушло в течение Леты...

Лишь воздух так же густ и пьян.

А дом господский за забором
Который год ласкает взором
И реставрирует бурьян.

Тверской бульвар

Тверской бульвар... Он помнит очень много,
Привыкнув за столетья к именам.
В его судьбе не пожелать иного,
Чем быть причастным к разным временам.
И мы с тобой идем неспешным шагом
Под чистый взор его зеленых глаз,
И к площадям незавершенной сагой
Густых аллей протянется игла.
Тверской бульвар... Мне хорошо с тобою
Плести шагов и разговоров нить,
И признаваться перед всей Москвою
О том, что снова хочется любить.
И пусть листва мне шепчет о разлуке,
О том, что будешь ты верна не мне.
В ладонях я твои ласкаю руки —
Дай, Боже, им хорошего вдвойне.
Тверской бульвар, запомни нашу встречу.
Когда вернусь, о ней мне расскажи...
Я вновь пройду с тобой за долгий вечер
Своих воспоминаний этажи.
Мечтам моим не суждено сбываться,
Но не хочу тоски печальных дум —
И верю я, что на аллее счастья
Свою любовь когда-нибудь найду...

Коломенское

*Ирине****

Над откосом бронза льется звуком,
Взгляд летит и падает в простор,
Нынче в мире встречаю и разлукам
Стало тесно с некоторых пор.

Церковь загорожена лесами,
Древний парк раскопками изрыт, —
Небо вдруг затянет облаками
Вовсе не по правилам игры.

Что ты хочешь – царство иль полмира
На виду у здешней красоты?
Ешь банан и наслаждайся пиром,
Слушай звуки дивной чистоты,

Уносишь душою без оглядки
Над тугой излучиной реки,
Мы еще с тобой играем в прятки,
Но метки небесные стрелки,

Мы уже повязаны сердцами,
Как бы ты не поднимала бровь,
И сидит на склоне рядом с нами

Крохотная девочка – Любовь.

Под пытливым взглядом этой крохи
Ощущаю привкус седины
И тебя.

Ты из другой эпохи,
Мы с тобой похожестью больны,

И каким-то непонятным чудом
Искривились, сжались времена
Я в тебя был занесен оттуда,
Как и ты занесена в меня.

Вечернее метро

Вечернее метро всегда одно —
В случайных встречах, будничных заботах.
А я смотрю задумчиво в окно,
Надеясь встретить близкого кого-то.
Еще нам можно малость пошалить:
Нечаянно отчаянно прижаться.
А тем, которым надо выходить,
Подсказывает дверь: «Не прислоняться».
На пластике – металла серебро
И станции размечены кружками,
И черное подземное нутро
Зелеными встречает огоньками.
Под городом проносится состав...
Еще немного – я тебя покину,
И ты, так мне ни слова не сказав,
На остановке вдруг посмотришь в спину...

Скрипач

В переходе играет мальчишка,
Под ногами футляр примостив,
И его одинокая скрипка
Незнакомый выводит мотив.

Вдруг под гулками сводами тонко
Затрепещет она под смычком
От любви, как смешная девчонка,
На свиданье спеша с пареньком.

Мы пройдем и положим монеты,
Может быть, постоим у стены,
На душе сохраняя просветы
От живущей на грифе струны...

Церковь Большого Вознесения у Никитских ворот

Вот здесь венчался Пушкин с Гончаровой.
Венчались Александр и Натали.
Большого Вознесения основа
Спустилась к алтарю на твердь земли.

Горели свечи, платья дам шуршали,
И ладан отделялся от кадил...
Московскою красавицей Натальей
Господь поэта в жизни наградил.

И пусть потом суды и пересуды
Ее и обелят и очернят,
Но в ту минуту совершалось чудо —
Поэта с Музой свадебный обряд.

Я опять по усадьбам московским брожу...

А***

Я опять по усадьбам московским брожу,
Тихий шорох веков говорит под ногами,
Хороводится окон и арок ажур,
И кричит над бурьяном барочное пламя.

На руинах дворцов, в запустенье прудов
Есть какой-то невидимый привкус прощенья,
И, когда прихожу на кладбище годов,
То они надо мной совершают крещенье.

По тропинкам бреду, спотыкаюсь, и вновь
Прихожу в вознесенную заповедь храма,
Из своих тайников извлекая любовь,
Как священник ковчег со святыми дарами.

Пусть судьба надо мной посмеется опять
Чистым оком воды среди ряски и тины —
Не могу, не хочу свою душу распять
На дешевом кресте мимолетных гостиниц,

Я хочу приходить как целебный родник,

Падать в сердце и греть, как сияющий лучик,
Даже в тот, невозможный, отчаянный миг
На краю грозовой наползающей тучи...

Утро

В морозной дымке – купола Кремля
Горят над всем заиндевелым небом.
Московская стозвонная земля
На семихолмье выбелена снегом.
Преображенье – город стар и нов,
В своем единстве и велик,
и чуден —
Вновь говорит:
«Приди ко мне в Москов»,
Бросая солнце в утро новых буден.

В переулках старых за Арбатом...

В переулках старых за Арбатом
Времена оставили следы,
Из трехпрудных маленьким квадратом
Стали Патриаршие пруды,

И, плюя на дорогие джипы,
Поредевший соблюдая строй,
Возле школы кланяются липы
Тротуару древней Поварской.

Ты представь Остоженку остожьем —
Вольным лугом, где стоят стога,
По-иному мы увидеть сможем
Переулков тихих берега.

Я хочу, чтоб пред тобой сложилась
Странная мозаика Москвы,
И ее пленительная сила
Из времен прошедших и живых.

Ты прими ее не Третьим Римом,
Не парадной праздностью столиц —
Уголком сердечным и любимым,
где друг друга встретить мы смогли,

И тебе понравится по вкусу
Маленькая улочка моя,
Где когда-то квасили капусту
Для стола московского царя...

Измайлово

Горбатый мостик. Пруд. Дорога
В зеленом мареве листвы.
Построек белая пирога
Плывет средь скошенной травы.

И храм, зажатый в богадельни,
Пылая каменным костром,
Раскинет нам свои ступени
И вознесет своим нутром.

Он нас простит, детей неверья,
Что не звучат колокола,
Что за его массивной дверью
Тень запустения легла.

И к нам придут, восстав из тлена,
Века фамилий и имен,
Смотреть на нашу современность
С иного берега времен.

В Патриаршьих прудах отражается вечер...

В Патриаршьих прудах отражается вечер,
На воде – фонарей золотые шары,
И хранит полумрак шепот нежных наречий
И таят поцелуй проходные дворы.

Разогретый гранит остывает неспешно,
Гасит полночь в округе окно за окном,
Только наши часы допускают погрешность —
Не расстаться с приветившим нас уголком.

Вне пространства, вне времени, вне расстоянья,
Возведя эту ночь в свой особый квадрат,
Словно сами себе назначаем свиданья
И не можем уйти от себя до утра.

Ухмыляется нам полукруг загородки,
Как на исповедь, что ли, грехи положить —
На мгновение станет такую короткой
В Патриарших прудах отраженная жизнь.

Досидим до утра, до зачатья рассвета,
Где в белесую мглу заползет свежачок,
И на плечи твои, словно в юности где-то,

Я накіну заждавшийся их пиджачок...

Московия

*Ирине****

На глазах исчезающий город —
сохраняет былые названия,
чем-то он мне безумно дорог
независимо от содержания,

Переулки его кривые
замело тополями лето —
я смотрю на него впервые,
вспоминая, что видел где-то

Где-то здесь проходил недавно,
целовался в той подворотне —
а теперь тут другие зданья
а мои у меня кто-то отнял.

Этот город – мои потери,
мой охрипший, надломанный голос —
я хочу как и прежде верить,
что ты жив, мой любимый город

Ливень

А***

Словно ягоды, мягкие капли
Небеса уронили на нас —
Это к счастью, родная, не так ли
Говорили во все времена?

И в заброшенном парке усадьбы
Из небесной прорвавшись груди,
Неземные особые свадьбы
Совершают порою дожди.

Мы до крыш не стараемся сами
Добежать, прикрываясь рукой, —
Нам деревья своими ветвями
Пятачок сохранили сухой.

Пусть нас ливень венчает по долу
Вместе с солнцем в волшебном дыму,
По старинному их протоколу
Крепко-крепко тебя обниму.

Здесь, под деревом, наши хоромы.
Ты когда-нибудь дашь или нет
На вопрос отдаленного грома

Самый нежный и верный ответ?

Это к счастью, родная, не так ли?

Я пойму только в самом конце,

Что губами счастливые капли

На твоём собираю лице.

Дождь в Сокольниках

Дождь в Сокольниках мочит асфальт,
По скамейкам стучит с пузырями,
Но его темно-мокрую шаль
Отодвинут аллеи ветвями,

Без зонтов приготовят приют
И объявят безлюдною зоной,
Только губы друг друга попьют
В полукруге, очерченном кроной.

Хлебный переулочек

*E****

Задумчивые львы
Протягивают лапы,
Чтоб ты коснулась их
Рукою на бегу,
Над улочкой Москвы
Витает хлебный запах,
Хотя уже давно
Тут хлеба не пекут.

Из давних-давних дней
Запахнет крендельками
В тиши особняков
Под сенью старых лип...
Но как схватить верней
И передать стихами
мелодию шагов,
Стихающих в дали?

Задумчивые львы
К тебе поднимут морды,
И не поймет никто,
Что слышатся вокруг
Симфонии любви

Печальные аккорды
И соло тишины —
Адажио разлук....

Ласковые сны

На снежных лапах тишины
беззвучно шевеля губами,
приходят ласковые сны
и расплываются меж нами.

И я на облаке плыву
в мороз и снеговую вьюгу
в мою весеннюю Москву,
где улыбаются друг другу

Деревья, люди и дома,
где повторением сюжета
мы сходим от любви с ума
и от нее сбегает в лето...

Парадная россыпь огней и реклам...

*Оле****

Парадная россыпь огней и реклам
Протянется вверх по Тверской,
И вечер такой, что неспешным шагам
Охота уйти далеко.

На темном холсте нарисованный дом
Появится словно мираж
И памятник к небу возносит ладонь
В струистых лучах серебра.

А золото сыплют к ногам фонари,
И видят глаза этажей
Как щедрая россыпь рубинов горит
В копилках ночных площадей.

Сам город тебя на прогулку позвал,
От теплых ночных покрывал —
Закроешь глаза – и станцует свой вальс
Опять перед ними Москва.

Памяти 22 июня

Метет июньская жара,
Играет пухом тополиным,
И пену снежную с утра
Прибоем тащит по Неглинной.

Изогнутый Кузнецкий мост
Стекает вниз булыжной рябью,
Заиндевелость эскимо
Шалит с расплавленной явью.

Улыбки радостная звень,
Не оторвать от милой взора,
Не зная, что июньский день
С утра уже войною взорван...

В электричке

Перегон за перегонном
Пролетают поезда,
И проходят по вагонам
И торговля,
и беда.

Голосистые офени,
Контролеры им вослед —
Дайте, встану на колени,
 Попрошу подать билет,

На гармошке поиграю,
В голос песню заведу —
Пробираюсь – побираюсь
У вагона на виду...

Увеличенный, как в лупе,
 Душу режущий контраст —
 Кто-то мелочевку купит,
 Кто-то мелочью подаст.

А проходы с новой силой
Окликают с двух сторон —
 За окном плывет Россия,
 Среднерусский перегон.

Осколки

Ты приснилась во сне...

Ты приснилась во сне
Много весен назад,
И остался во мне
Твой чарующий взгляд...
Только встретить тебя
Лишь недавно пришлось —
Захотела судьба,
Чтобы нам повезло.
На планете другой
И в других временах
Бубенцы под дугой
Зазвенели для нас.
А на этой земле
Телефона звонки
На рабочем столе
Коротки и редки.
Только сердце поет
И не хочет молчать,
Шепчет имя твое
Словно имя врача,
И рождает стихи

В беспокойных ночах
Как осколки любви
На рассветных лучах...

Говори...

Говори,
Мне, милая, не больно,
Отшумела, отлетела страсть,
Нам с тобою вместе быть довольно...
...Но, скажи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.